

A man with a beard and a woman with dark hair are shown from the chest up. The man is on the left, wearing a white shirt, and the woman is on the right, wearing a white off-the-shoulder top. They are both looking directly at the camera. The background is a soft-focus indoor setting with light coming from a window.

Алена
МОСКОВСКАЯ

ИЗМЕНА

ВСЕГДА НЕВЕСТА НИКОГДА

ЖЕНА

Алена Московская

Измена. Всегда невеста никогда жена

<https://litres.ru/74320348>

Аннотация

НОВИНКА: "РАЗВОД ПО РЕЦЕПТУ" -

— Ты женился, а меня использовали как свадебного тамаду, — я смотрю в глаза предателю и не вижу там стыда. — Я не думал, что все так получится, — он просто ухмыляется, — она беременна от меня, а ты уже...

Я работаю в ЗАГСе 10 лет, но никогда не думала, что буду расписывать своего мужа с другой. С его беременной любовницей. У нас 20 лет совместной жизни за плечами, взрослый сын и его предательство. Но только почему-то, когда я пытаюсь начать жить заново - он снова возвращается.

♥#ХЭ

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	39
Глава 9	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Глава 1

Вера

Если бы за опоздания на работу выдавали медали, я бы уже могла строить из них панельную пятиэтажку. Ну или хотя бы скромный такой дачный домик — из фанеры и стыда.

Я бежала к остановке, матерясь на пронизывающий ветер, криво покрашенные ресницы и Мишку, который с утра заявил, что его опять задержат в сервисе. Дескать, приехала машина на детейлинг, вся такая важная, как будто он не болты крутит, а стетоскоп держит над жизненно важными органами.

— Ну ты не обижайся, Веруня, — хихикнул он в трубку. — Ты же знаешь, у нас без меня все развалится.

Ага, особенно наш брак, Мишенька. Уже лет десять как развалился, только по инерции еще держимся. Как старый шкаф: скрипит, воняет, но вроде не падает.

Влетела в ЗАГС с кофе на пальто, сбив букет невесты у входа и получив в ответ проклятие от нарядной девицы с губами, как у леща.

Внутри уже суета, смех. Пятница. Свадебный Армагеддон.

— Вера Николаевна! — носится Люська, секретарша с глазами бурундука на кофеине. — Срочно! С Центрального звонили, у них форс-мажор, надо подменить на церемониях.

— Ты в своем уме? Это другой конец города!

— Там некого! У Анны Григорьевны давление, у Игоря из речевиков — диарея, у остальных — паника. Пожалуйста! Умоляю!

В маршрутке трясло, как в стиральной машинке на отжиме. Я втиснулась между бабкой с авоськой и мужчиной, который ел пирожок с яйцом, ужасно вонючим, не моргая. В этот момент зазвонил телефон — Славка, мой сын.

— Ма, привет! Ты где? — Как всегда игривым голосом говорил сын. Люблю его засранца.

— В аду. С огоньком. А конкретно — в пути в ЗАГС №4.

— Ответила я почти зажимая нос от вони пирожка.

— Это где?

— Там, где даже Яндекс говорит: "Не уверен, что ты туда хочешь".

Смеется. Голос, чуть хриплый, как у меня в его возрасте. Все-таки гены — штука подлая.

— Я на следующем месяце приеду, ладно? Сессия в двадцатых числах заканчивается. Хочу дома немного поваляться и... ну, поесть нормально.

— Угу. Соскучилась я. Привези себя, покажу тебе, как выглядят котлеты не из студенческой столовки. — Я улыбнулась, и знала, что сын на том конце провода тоже улыбнулся.

— Договорились. Ладно, не отвлекаю, давай, ма.

Он отключился, а я смотрела в окно на облезлые фасады, как будто искала в них смысл.

Вот так я оказалась в ЗАГСе №4, в районе, который все называют жопой мира, потому что туда добираться два часа, обратно — три и так до полусмерти. Там пахло старыми шторами, амбициями с привкусом отчаяния и чем-то, что раньше было освежителем воздуха.

Я отчитала три церемонии.

Первая пара.

Они влетели в зал за пять минут до конца отведенного времени. Он — лысеющий мужичок в кедах и смокинге на два размера больше. Она — блондинка в платье цвета фиесташки, которое отчаянно пыталось не треснуть по бокам. На каблуках она шла, как по минному полю, вцепившись в него, будто он и есть ее законность.

— Простите, пробка! — задыхалась она. — Там грузовик развернулся... или загорелся... или, короче, мы очень хотим пожениться!

Я кивнула. У меня был ровно один вдох, чтобы перестроиться и превратиться в торжество любви. Поставила улыбку, включила голос и начала.

Он сказал «Да» как будто вводил пароль от Wi-Fi. Она — дрожащим голосом, и я точно знала: не от чувств, а от того, что корсет все-таки перетянули.

Вышли счастливые. Я перекрестилась — мысленно. Пусть выживут.

Вторая пара.

Мальчик и девочка, чуть за двадцать. Щеки румяные, гла-

за блестят. Он нервничает, крутит папку.

— Ваши паспорта? — спрашиваю я.

Он бледнеет.

— Мой в рюкзаке остался... в такси.

Я поднимаю брови. Это уже третий случай за год.

— А водитель уехал?

— Да, — выдыхает невеста. — Он сказал, что через час вернется. Мы не знали, что паспорта прям... нужны.

— Конечно, — говорю я. — Обычно мы женим по фотке с «Одноклассников».

Они посмеялись. Нервно. Я отменила церемонию, пообещала перенести на любой другой день. Девочка расплакалась — от обиды. Он стоял, как побитый щенок.

— Это знак? — прошептала она.

Я не ответила. Не мое дело — знаки. Мое дело — печати. Третья пара.

Она была красивая. Правда красивая. Глаза серо-зеленые, как шторм. Он — сухой, собранный, в дорогом костюме, говорил мало. Родители жениха сидели в первом ряду, как на заседании совета директоров. Ее — не было никого.

На словах «Согласны ли вы...» она расплакалась. Сначала едва, как будто кто-то незаметно нажал ей на внутреннюю кнопку. Потом — навзрыд. Я растерялась. Он смотрел на нее с холодной тревогой — как на сырой торт.

— Мама... — всхлипнула она. — Она обещала, но не смогла...

Я смотрела, как платье вздрагивает от рыданий, как тушь течет по лицу, и в этот момент мне захотелось обнять ее. Просто — по-человечески. Но я осталась Вера Николаевна Горелова. Церемониймейстер. Лицо системы.

— Хотите немного подождать? — спросила я тихо.

Она мотнула головой. Потом собрала себя в комок, натянула улыбку и, утирая нос, сказала:

— Да, я согласна.

Я закончила речь на автомате. Он даже не взял ее за руку. Они ушли — чужие, расписанные. Как бывает.

Иногда мне кажется, что я — сапожник без сапог. Я каждый день женю людей, читаю им пышные, торжественные речи, дарю мгновение, после которого они становятся законными. За пару минут — из гражданских в супруги.

А сама?

Я в ЗАГСе работаю десятый год, но ни разу не стояла на месте невесты. Не говорила "согласна", не смотрела на своего мужа глазами, полными счастья. Потому что формально — я никто. Женщина, с которой он прожил 23 года. Гражданская жена.

Хотя сама в жизни была максимум домашней утварью. Миша меня, видимо, регистрировал как мультиварку — пользоваться можно, оформлять не обязательно.

На ногах — двадцать тысяч шагов, душа в пепле, лицо как у уставшей мадонны, которой вручили похмелье вместо

оскара.

Я уже видела себя дома: чай, плед, кот на пузе и минимум Мишкиных звуков.

— Последняя пара, и ты свободна, — сказала себе вслух.
— Держись.

Я вышла в зал, поправляя ленту с гербом, и подняла глаза.
В дверях стоял мой Мишка.

С девушкой, лет на пять младше меня. Она глубоко беременная держалась за живот, а он — за ее руку.

— Добрый день, — выдавила я, чувствуя, как внутри что-то хрустит. — Прошу пройти в зал.

Глава 2

Вера

Я смотрю на них и думаю, что у меня началась галлюцинация. Или инсульт. Или сон, но без шанса проснуться.

Вот она — пара, которую я должна торжественно женить. Я смотрю на регистраторшу, она кивает мне молча, как будто между нами установилась тайная связь женщин, которым платят за то, чтобы они хранили лицо, когда хочется бить рожи.

Я вижу мужчину, с которым прожила двадцать три года, и женщина, из которой он, судя по размерам живота, уже успел исполнить долг продолжение рода.

Может, это его брат-близнец? Потерянный в роддоме, воспитанный в параллельной реальности и только сегодня нашедший путь в жопу мира, чтобы обвенчаться.

Я встаю. Иду к микрофону. Как по воздуху.

Воздух, впрочем, пахнет тошнотворной смесью дешевых духов и рассыпавшихся надежд.

Я, Вера Горелова, женщина, у которой дома немытая посуда, кот, который орет на кухне, и двадцать три года в активе с этим человеком, стою сейчас и держу в руках текст, по которому должна официально связать его с другой.

В голове орет голос.

Ты серьезно? Ты сейчас будешь женить человека, с кото-

рым родила сына? С которым делила подушку, ела из одной кастрюли, собирала на ипотеку и вытаскивала из долгов? Это точно происходит?

Может, надо сбежать? Просто выйти из зала, бросить микрофон и уехать в монастырь. Или в дурдом. Там хотя бы кормят по расписанию и никто не целуется при тебе с другим.

Я поднимаю глаза. Миша не смотрит на меня. Делает вид, что меня нет.

Его рука — на животе Юли. Она светится. Улыбается. Ее лицо — как из рекламы «ЖК новая жизни».

Моя — из хроники выживших.

И тут, как по щелчку, в голову лезет воспоминание.

Мы сидели на кухне. Старой, тесной, с облупленным кафелем и чайником, который свистел, как проклятие. Я что-то говорила о том, что может, пора бы и свадьбу. Не для галочки, а просто... для нас.

— Сейчас не время, Вер. Ну ты же понимаешь, — тер он пальцами виски. — Куда сейчас? Мы в съемной, Славка маленький, денег в обрез. Вот подрастет, вот с квартирой разберемся, вот тогда...

Я кивала. Потому что устала. Потому что не хотела ссор. Потому что, по его логике, тогда — оно всегда было где-то потом, за горизонтом.

А сейчас — всегда неподходящее.

Он всегда был мастером откладывать. Только вот получается — сама себя отложила.

Я включаю микрофон. Голос звучит глухо. Говорю все, как надо, как положено.

А в голове, союз, основанный на взаимной любви и уважении... ну, допустим. Миша, а ты то тут причем?

— Сегодня мы собрались здесь, чтобы стать свидетелями рождения новой семьи...

Каждое слово отзывается во мне ударами. Как будто я читаю собственный приговор — четко, вслух, чтобы не было сомнений.

Где-то внутри меня начинает скрежетать механизм злости.

Не боли — злости.

Такой пронзительной, холодной, почти трезвой. Я вдруг ясно понимаю, что это не просто измена. Это демонстративное предательство. Публичное. Официальное. С гостями, аплодисментами и чертовыми кольцами.

Прошу ответить — является ли ваше желание вступить в брак искренним и добровольным... ага. Особенно учитывая, что жену номер один ты забыл предупредить.

— Согласны ли вы...

Юля кивает, и ее голос — чистый, как школьный звонок. У нее — будущее.

Миша чуть запинается, но говорит «Да».

Я слышала это «да» много раз.

Когда он обещал помочь, но не помог. Когда говорил, что любит, но смотрел в телефон. Когда обещал, что когда-ни-

будь все будет — квартира, штамп, кольца.

Вот и когда-нибудь наступило.

Только не для меня.

Я говорю последние слова, объявляю их мужем и женой.

Аплодисменты.

Я как в тумане. Они целуются. Рядом кто-то пускает слезу от умиления. Кто-то шепчет — Какая красивая пара.

Мне хочется завывать. Или засмеяться. Или врезать Мише папкой с документами. Но я стою. Дышу. Работаю. Сапожник без сапог.

Я.

Господи.

Я их поженила.

Я выхожу из зала и первое, что слышу — это как Юля звонко смеется и говорит кому-то — Видела, как у ведущей руки тряслись? Бедняжка, наверное, перегрелась.

Перегрелась?

Я прохожу мимо них, они меня не замечают. Или делают вид, что не замечают. Миша даже не оборачивается. Как будто меня не было. Как будто все, что мы делили, теперь просто аннулировано. Как старый договор аренды, просроченный и забытый.

Рассказала о любви предателю, почти не запнувшись. Могла бы и на похоронах речи читать — была бы высокооплачиваемая.

В раздевалке я снимаю ленту с гербом, бросаю ее на стул.

Сажусь. Смотрю в стену. Тихо. Только внутри гудит.

Я открываю сумку. Беру телефон. Руки дрожат. Хоть бы просто не закричать.

И тут... он звонит.

Миша.

Я смотрю на экран. Он. Он сам.

Палец нависает над кнопкой ответить.

Звонок продолжается.

Я дышу.

Глава 3

Вера

— Алло, — говорю я, нажимая ответить.

Голос у меня спокойный. Чертовски спокойный. Как в анатомическом театре перед началом лекции.

— Вера... — Миша тянет, как будто только что проснулся. Или как будто репетировал этот момент в голове, но все равно обосрался с первой фразы.

— Не томи. Говори быстрее, у меня батарейка садится и уважение к тебе тоже.

Он дышит в трубку, как будто поднимается на пятый этаж без лифта. — Я... я не думал, что ты там будешь.

— Правда? А ты думал, меня вообще больше не существует? Или надеялся, что я в этот момент как раз на кладбище — рядом с собственной верой в людей?

Я усмехаюсь.

— Ага. Не ожидал прям, что свадебная фея окажется с микрофоном и бывшей жизнью на поводке. Прям сюжетный поворот.

Он молчит. Я слышу, как он глотает. Слюну, чувство вины или обиду — не знаю. У него всегда был талант молчать так, чтобы виноватой казалась я.

— Вера, я... я хотел поговорить. Просто... раньше.

— Но почему-то не вышло, да? Ни вчера. Ни позавчера.

Ни двадцать лет назад. Не вышло. Как с тем шкафом, который ты обещал починить. Стоял, скрипел, падал. Точно как ты.

Я смотрю в мутное зеркало раздевалки. Под глазами — тень, как будто неделю не спала. Губы бледные. Ресницы — в разводах туши. Но глаза... глаза теперь другие. Без трещин. Цельные. Стеклянные.

— Миша, ты женился. Ты. Женился. Без слов. Без разговора. Ты женился, а меня использовали как свадебного тамаду. Я прочитала вам клятвы, как debilka на утреннике. Как ты думаешь, как я себя чувствую?

— Я... я хотел тебе сказать, но не знал как...

— Ага. Идеальное решение. Устроить все по-тихому. Только вот не вышло. Потому что судьба — та еще сучка, любит эффектные развязки.

Он что-то там мямлит. Протестует, вроде бы хочет оправдаться, но я не слушаю. Я включаю автопилот: сарказм, ровный тон, дистанция.

— Мне особенно понравился момент, когда ты сказал «да». У тебя дрогнул голос. Как у школьника, которого поймали с сигаретой. Прямо трогательно. Правда, Миш? Слезу можно пустить.

— Не начинай... — бормочет он. — Все вышло... случайно. Юля настояла. Я не планировал вот так.

— Ты не планировал? О, ну конечно. Вся твоя жизнь — это сплошной неплан. Жениться — не планировал. Лгать —

не планировал. Жить со мной двадцать три года и исчезнуть, как обоссанный носок за стиралкой — не планировал. Ты — ходячий черновик.

— Послушай, — он наконец заговорил. — Я не хотел тебя обидеть. Все вышло слишком быстро... Юлия беременна, ты сама видела, она... эмоциональная.

На улице начинает накрапывать дождь. По стеклу капает, как по нервам. Я слышу каждый звук. Каждую каплю.

Будто даже погода решила поплакать за меня. Только я — больше не плачу.

— Вера... — тихо, вкрадчиво. Как будто я — та самая змея, которую надо задобрить, пока не ужалила.

— Я не знал, что все так выйдет...

— Это твоя коронная фраза, Миш. Ты никогда не знаешь. Не знаешь, когда жениться. Когда сказать правду. Когда перестать трахать кого попало.

— А теперь. Теперь ты меня слушай.

Пауза. Он затихает, как приученный пес, почувствовавший, что хозяйка взялась за плетку.

— Мне не нужны твои объяснения. Не сейчас. Не в этом веке. Я тебе не полиция нравов. Я — последняя дура, которая тебя оправдывала.

Я выдыхаю. Медленно. Долго. Как будто из меня выходит не воздух, а двадцать три года неразговоров, недосказанностей, и бессонных ночей на кухне.

— Знаешь, что самое обидное? — спрашиваю я. — Что

даже сейчас мне не хочется кричать. Я не злюсь. Я... устала. Как будто таскала твой чемодан, полный кирпичей, все это время. А потом поставила — и оказалось, что там был мусор.

Он опять молчит. Может, прикусил язык. Или совесть.

Хотя нет — совесть у него как Wi-Fi в лесу: вроде по идее должна быть, а по факту — никогда не ловит.

— Все. Я больше не твоя жена. Даже по умолчанию. Даже по привычке. Даже как «она у меня просто есть». Я — свободна. И ты тоже. Свободен от меня. Но не от последствий.

Я сбрасываю звонок. Просто нажимаю красную кнопку. Никаких прощаний.

Ни слез. Ни истерик. Просто тишина.

На экране — его имя. Просто имя. Без привязки. Без прошлого. Пустой ярлык.

В раздевалку заходит Люська. Вид у нее как у человека, который случайно открыл шкаф с покойником.

— Вера Николаевна... Тут такое. Звонок поступил. Анонимный. На вас. Говорят, вы вели себя... нестабильно на церемониях.

Я поворачиваюсь к ней. Медленно. С улыбкой.

Внутри — не паника, а тихий хруст. Как когда ломаешь ледяную корку на луже.

— Люсь... Запиши мне отгул на завтра.

— А что сказать начальству?

— Скажи правду. Женщина, решила отдохнуть.

Я выхожу, закрываю за собой дверь.

Глава 4

Вера

Я просыпаюсь поздно. Без будильника. Без крика Люськи в трубке, без плана на день.

Плед сбит, кот сидит рядом и смотрит на меня как на непрошеную гостью.

Ты чего не ушла? Ты ж вроде как всегда на бегу? — будто говорит его морда.

Я встаю с постели и лениво иду на кухню шурша тапочками по линолеуму.

Я варю кофе. Автоматически. Руки делают, голова — не варит. Потом забываю его выпить. Он стоит на столе, остывает вместе со мной.

Лежу на диване. Смотрю в потолок. Голова гудит.

Вот думаю обо всем и не о чем, прокручиваю в голове все годы жизни, как Славку рожала, как ногу сломала, на льду упала, а Мишки рядом не было, обо всем думаю, но ни за одну мысль зацепиться не могу.

— Я... же вчера жену своего гражданского мужа сделала законной, — проговариваю в пустоту. — Законная. А я? Незаконное привидение. Или кто вообще?

Обидно то как, мать Божья, да и рассказать кому стыдно такую историю, засмеют. Он то ее, чего в жопу мира в тот загс потащил, чтобы со мной не столкнуться, а тут вот она я.

Я усмехаюсь. Вот сука.

Встала, пойду шкафы разберу. Чего без дела лежать.

Открываю первый ящик и чуть ручку не оторвала, на соплях держится, говорила Мишке, — Прикрути ручки! Похеру ему!

Открываю второй ящик. Медленно. Как будто в нем не бумажки, а мина замедленного действия.

Достаю старую коробку. Пыль въелась в картон, как воспоминания в меня. На крышке когда-то была наклейка с улыбающимся медвежонком — облезла, остались только уши.

Внутри — прошлое. Фотографии, где Славка в первом классе: с кривой челкой, в рубашке, которую я гладила до ночи. Снимок нас с Мишей у моря, я в дурацкой панаме, он щурится на солнце, держит меня за плечи. Мы тогда еще смеялись вместе. Не по инерции, а по-настоящему.

Дальше — свидетельство о рождении. Его я держу аккуратно, как будто оно все еще теплое от роддома.

Дальше — желтая, пересохшая резинка и пачка бумаг. Справки, письма, какие-то квитанции, и вот оно. Письмо. Почерк Миши. Косой, немного нервный. Узнаю с первого взгляда. Дата — пятнадцать лет назад.

Ого.

Я раскрываю. Бумага хрустит. Чернила выцвели, но слова — нет.

«Ты — все, что у меня есть. Мы обязательно поженимся. Только чуть позже... Когда будет жилье, когда Славка подрастет, когда жизнь наладится. Прости, что не сейчас. Просто потерпи. Я тебя люблю.»

Я читаю это вслух. Каждую букву. Медленно. Смакую ложь, как раньше — чай с вареньем.

И тут меня пробивает. Смех. Хриплый, надрывный, как будто во мне что-то рвется, но не до конца. Смеюсь. Навзрыд. До слез. Сгибаюсь на полу, держась за живот, как будто оттуда выпрыгивает все недосказанное за эти годы.

А потом — вытираю лицо. Не просто глаза. Лицо. Смахиваю с него ту, которая верила. Которая терпела. Которая хранила письма как обереги.

Встаю. И вдруг понимаю: коробка не прошлое. Это склад. Хранилище иллюзий. И я его больше не арендую. Больше нет.

Одеваюсь и выхожу. Не знаю зачем. Просто ноги идут.

Мимо ларьков, мимо людей, мимо витрин с платьями, которые я никогда не надену. Мимо кофеен, где пьют латте и делают вид, что живут. Все мимо. Все — не про меня.

И тут как гром среди ясного неба.

Парикмахерская.

Серая вывеска «Салон Люкс» на белом фоне, где «люкс» выглядит как отчаянная шутка. Дверь с облупившейся ручкой, и внутри — запах аммиака, лака и чужих надежд. Слышно, как сушилки гудят, кто-то смеется фальшиво, кто-то ру-

гается по телефону.

Я захожу.

В лицо — теплый пар и аромат краски, перемешанный с каким-то восточным шампунем.

— Здравсьте, — говорит девочка с зелеными волосами и кольцом в носу. — По записи?

— Нет, — говорю я, стягивая шапку. — Без записи. Без предупреждения. Без жалости. Сделайте со мной что-нибудь. Только не аккуратно. Мне не надо «чуть-чуть подровнять». Я не газон.

Она моргает. Потом улыбается, словно чувствует — клиент нестандартный, значит, будет весело.

— Поняла. Проходите. Мастер свободен.

Меня усаживают в кресло. Передо мной зеркало. И я в нем. Помятая. Потертая. С волосами, которые год не видели ножниц и два — кондиционера. Цвет — усталая мышь. Кончики — как мои отношения: сухие и мертвые.

— Что делаем? — спрашивает мастер. Мужчина лет сорока, с серьгой в ухе, в черной футболке. Он говорит вежливо, но смотрит будто искоса.

— Срезаем все, что носит в себе боль, — отвечаю улыбаясь. — Если останется что-то живое — оставляйте.

Он смеется, но я вижу, как напрягся. Все правильно. Я — тот самый клиент, после которого мастера идут курить и молчат десять минут.

— Понял. Каре? Боб? Или просто в ноль?

— Сделай красиво. И дерзко. Чтобы я посмотрела в зеркало и сказала, — А вот ты где, сучка. Пропадала.

Кивнул. Понял мой запрос.

Он начинает.

Ножницы щелкают, как нож по хрустящей корочке. С каждого среза — будто слой уходит. Как кожа после ожога. Молча смотрю на волосы на полу. Светлые пряди, давно чужие. А теперь — просто мусор.

Он сушит, укладывает. Брызгает чем-то пахнущим грушей и пряностями. Я вдыхаю. Как будто кто-то проветривает душу.

Через пару часов я другая.

Гладкое каре. С выражением теперь я могу!

Челка, немного асимметричная. Цвет — чуть теплее моего обычного. Яркость — на грани дозволенного. Но не перешли. Еще нет.

Смотрю в зеркало. Без прошлого, хотя бы визуально. Впервые за долгое время не отвожу взгляд.

— Ну как? — спрашивает мастер.

— Как будто я вдова, которая наконец сожгла костюм покойного. Спасибо.

Он кивает. Улыбается. Мудрый.

Я выхожу. Голова — как у нового человека. Или хотя бы как у человека, который только начал отращивать новую себя.

Иду домой. Воздух будто пахнет возможностью. Я почти

улыбаюсь. И тут — звонок.

Телефон вибрирует. Я смотрю на экран — незнакомый номер. Секунду думаю, не сбросить ли. Но палец уже сам нажимает ответить.

— Алло?

— Здравствуйте, это Вера?

Я сразу узнаю этот голос. Тот самый. Вкрадчивый. При-
торный.

— Да. Это Вера.

— Это Юля. Жена Миши.

Глава 5

Вера

— Жена моего мужа. Ну, по крайней мере — по бумажке.

Поздравляю.

Я говорю спокойно. Без колебаний. Как будто звонят не мне, а кому-то другому, а я просто озвучиваю реплики.

— Я... хотела поговорить, — нерешительно начинает она.

— Просто... спокойно. Без негатива.

— Конечно. Я обожаю светскую беседу с женщинами, которые выходят замуж за моего гражданского мужа, — отсылаюсь. — Особенно через день после церемонии, которую, между прочим, я же и провела. Удобно, правда? Без очередей. — Я перехожу дорогу, машины сигналият, со всех сторон какой-то гул.

— Я не знала, что он был не свободен, — торопливо произносит она. — Он не говорил. Я проверяла — у него в паспорте нет штампа. Он сказал, что давно один.

— Прекрасно. Можешь смело добавить эту историю в сборник «Как не заметить, что мужчина живет с женщиной двадцать три года». В паспорте же не написано.

Я усмехаюсь, ядовито, без жалости.

— Я просто... Я беременна. Я хотела бы, чтобы вы... отпустили его. Чтобы все было спокойно. Без вражды.

— А я что, держу его? Он у меня в подвале, на цепи, с

миской воды? Не знала. Спасибо, что сказала. А то вдруг соскучусь по нашему шкафу без дверцы и начну звать обратно.

Юля замолкает.

Я слышу ее дыхание. Она явно ждет, что я сорвусь. Начну кричать, плакать, обвинять. Удобный сценарий. Только у меня — своя пьеса.

— Никто не виноват, Вера. Поймите. Просто так вышло.

— Она делает голос мягким. Очень старается.

— Так вышло, Юля, — это когда йогурт просроченный купила. А тут — ты легла под мужчину, который тебе лгал. И вышло. Месяца на семь, если быть точной.

— Я не знала, — шепчет она. — Честно.

Верю, верю.

— Проблема не в том, знала ты или нет. А в том, что теперь ты звонишь мне, как будто я — угроза. Ты боишься, что я устрою сцену, выкину Мишкины вещи, начну мстить? Расслабься. Мсть — это скучно. Я не мщу. Я пережариваю. До хрустящей корочкой.

— Я просто хочу... спокойствия. — Голос дрожит. Почти по-настоящему. Почти.

— А я — кофе и отпуск. Но увы, мы обе не в сказке. — Я выдерживаю паузу. — Слушай внимательно. У меня нет к тебе претензий. Ты — не первая. Просто ты — единственная, кого он оформил официально. Повезло. Или нет — это посмотрим.

— То есть вы не собираетесь... ничего делать?

— Юля. Я собираюсь жить. Это, поверь, худшее, что я могу сделать для вас обоих.

Молчание. Потом короткое: — До свидания.

— Пока. Не забудь записать дату регистрации. Вдруг тоже потеряется.

Она сбрасывает.

Я опускаю телефон в карман и продолжаю идти.

Сквозняк играет с подолом пальто, ботинки стучат по асфальту, будто фиксируют мое возвращение в реальность.

Возле подъезда задерживаюсь — смотрю на свое отражение в стекле двери. Новая стрижка. Новое выражение лица. Что-то в нем появилось — хищное, острое.

Может, это и есть я настоящая?

Поднимаюсь пешком. Лифт не работает — как обычно. Пятый этаж. Каждый шаг отзывается в ногах, но я не спешу.

В голове пусто. Или слишком много. Одновременно.

Открываю дверь. Захожу. Тишина.

Кот сидит на табурете и смотрит, как прокурор на суде. Мол, ну что, мать, устроила себе новую жизнь?

Сбрасываю пальто, ставлю пакет на кухонный стол.

Запах дома — знакомый, родной, и вдруг — неуютный. Чужой. Будто все здесь принадлежит кому-то другому.

Вижу свою кружку с трещиной. Книгу на подоконнике. Подхожу к окну, смотрю вниз — ничего. Все как всегда. А вот я — нет. Я другая.

Сажусь на край стула, но тут же встаю. Хожу по кухне кру-

гами, как кот, который ищет, где лечь, но везде как-то не так.

Разговор с Юлей прокручивается в голове, как заевшая пластинка. Кто вообще звонит жене своего нового мужа через день после свадьбы, чтобы "уладить все мирно"?

Кто вот так вежливо просит "отпустить", словно я держу его в подвале с кандалами и графиком побегов?

Мда.

Еще два дня назад у меня была жизнь. Скучная, но моя.

Кот, работа, плед, Миша в фоновом режиме. А теперь — турецкий сериал на стероидах. Только без красивых пейзажей и с очень реальной усталостью в костях.

Что она хотела вообще этим звонком? Простить? Подружиться? Или убедиться, что я не выскочу из кустов с топором на их семейную фотосессию?

Не понимаю. Абсолютно.

Мозг не справляется с этой логикой. Как будто кто-то пересобрал мне реальность, но инструкция была на китайском, и половину деталей забыли вложить.

Я качаю головой и открываю холодильник. Закрываю. Просто так. Как будто в нем лежит ответ. А там — только яйца, кетчуп и остывшая обида.

И снова — тишина. До звона в ушах.

И вдруг стук в дверь. Резкий. Один раз. Как выстрел.

Но ведь я не жду никого.

Глава 6

Вера

Я подхожу к двери на цыпочках. Не тороплюсь.

Даже не удивляюсь.

Эта неделя уже превратилась в аттракцион. А ну ка угадай следующий пиздец.

Открываю, медленно, выглядываю.

Мишка.

Опа! Явился ненаглядный! Не прошло и недели!

Стоит как побитый пес. Хотя, почему как?

Глаза покрасневшие, лицо — мятая рубашка. В руках — пакет из супермаркета и рюкзак.

Мишка в стиле casual-брошенный. Новый тренд.

— Привет... — голос сиплый, глаза в пол. — Можно я... зайду?

Вот те нате! Я глаза вытаращила. Он чего такое удумал!?

— А ты случайно не ошибся дверью? Это ЗАГСа нет, тут не регистрируют новых идиотов. — Я прищуриваюсь. — Или ты теперь к бывшим с пакетом приходишь?

Он не отвечает. Только перевод глаза на дверной косяк, будто там ответы.

— Юля скандал устроила, — выдыхает он. — Орала, плакала. Говорит, я все испортил. Что я... не сказал ей. Про тебя. Про Славку. Про все.

— Потрясающе. Человек, сломавший две жизни, расстроен, что ему прилетело. Миша, ты как, сильно удивлен, что говно всплыло?

Он моргает часто. Веки дрожат. Пакет в руке мнут пальцы, как тряпку.

— Мне некуда идти, — вдруг говорит он.

Я замираю на полсекунды. Потом смеюсь. Прямо в лицо. Громко. И зло.

— Ты это серьезно сейчас? Ты что, мой кот, чтобы я тебя обратно пускала, потому что на улице холодно?

— Вер, я... — он почти плачет. Руки дрожат. — Я понимаю, что врал. Но ложь... она как снежный ком. Она росла, росла... и я сам уже запутался.

Вот он. Стоит. Мятый, мокрый, глупый. Не рыцарь — недоеденный пирожок прошлого. И ведь часть меня, старая, замученная, хочет налить ему чаю и уложить на диван. А другая — хочет выкинуть этот диван с балкона следом за ним.

— Миш, ты дурак? Или прикидываешься? Зачем ты мне это говоришь? У меня тут сериал идет, только начала привыкать к новой роли — злой бывшей, сильной и с новым цветом волос.

Он морщится. И это тоже бесит.

— Мы с тобой двадцать три года прожили, Вер. Не чужие же люди. Я думал, ты поймешь.

А ведь был такой вечер: мы спали в обнимку, в однушке

с батареей, которая шипела, как змея. Он гладил мой живот — я была беременна Славкой — и шептал, что никогда не уйдет. Вот же, уходить не надо — просто переполз.

— Ну, разумеется. Ща я расплачусь и начну понимать. Миша, иди таблеток попей. Или в стену поговори. Мне кажется, там больше шансов на сочувствие.

Он садится на пуфик в коридоре. Без разрешения. Как дома. Меня это раздражает больше всего.

— Вер, я правда не знал, что все так... выйдет. Я не хотел никому зла.

— А ты и добра никому не делал, что, знаешь, в итоге даже хуже. Потому что ты — не злодей. Ты — размазня. Ты просто плыл по течению как говно, и пока тебя не вынесло к беременной девочке, ты не понял, что вообще происходит.

— Ну прости... — Тянет он, все еще держа этот вонючий пакет в руках. И как я столько лет жила с ним?

— Это ты Юле скажи. Или своему отражению в витрине автосервиса.

— Вер, ну ты хоть не гони. Мне реально некуда идти. Я все оставил у нее. А она — не пускает.

— Ну, прекрасно. Вот и завел семью. Сильный, независимый мужчина. Официально! Со штампом! Иди в сервисе поживи. Ты же говорил, что там все держится на тебе. Может, и диван тебе найдется.

Он молчит.

— Раз уж пришел — забирай вещи, — говорю я. — У ме-

ня есть мешки. Я даже помогу сложить, если хочешь. У нас тут, знаешь ли, профессиональное уничтожение иллюзий.

Он медлит. А потом тихо:

— Ты меня выгоняешь?

— Нет, Миша. Я тебя не выгоняю. Я тебя отпускаю. Как воздушный шарик. Только без радости, без желания загадывать желание. Просто — иди.

Он смотрит на меня. Пусто. И обидно. Как будто я разрушила все. Хотя если честно — я просто отказалась дальше участвовать в этом цирке.

Знаете, есть такие люди, которые с пеной у рта доказывают, что чашку которую разбили они, неправильно поставили именно вы.

— А у тебя случайно не завалилось моих часов? Те, что мама дарила.

— Конечно. Я их специально бережно хранила рядом с твоей совестью. Но теперь придется отправить их обе в архив утраченных ценностей. Возьми, пока не выдала по акции.

Кот мяукает где-то в углу. Поддерживающе, мне кажется.

И я понимаю: этот дом теперь — только мой.

Плечи горят. Челюсть сведена. Пальцы сжаты так, что ногти впиваются в ладони. Но я — не кричу.

Я женщина, которая провела тысячу свадеб. Я умею выдерживать паузы.

Миша встает, подходит к двери. Уже на пороге он оборачивается:

— Вер, а ты хоть немного... скучаешь по нам?

Я не отвечаю. Смотрю прямо в глаза.

А потом тихо, почти ласково, — Миша, иди нахуй.

И захлопываю дверь.

Глава 7

Вера

Ничего не предвещало беды, но прилетело откуда не ждала.

Меня добавили в чат выпускников.

Без предупреждения.

Просто — бац, и ты в аду из смайликов, фото с лысинами и "А помните, как мы..."

Чат назван "11-Б. Вечные!" — ну, конечно. Вечные. Как тараканы и позорные воспоминания.

На аватарке — школьный звонок и фотошопный блеск в глазах.

Я пролистала сообщения.

Кто-то пишет, что спустя двадцать лет они снова соберутся в ресторане, кто-то кидаёт фотки детей, кто-то пишет: "А где Вера Горелова? Без нее встреча — невстреча!"

О, спасибо.

Я как раз мечтала поприсутствовать при оживлении прошлого, в стиле "Вспомни, как мы бухали под партой и дрались за чупа-чупс".

В школе я, к сожалению, была той самой — заводилой.

Местной Шерон Стоун, только с хвостиком и острым языком. Все меня помнят. И, судя по активности в чате, не только помнят, но и жаждут лицезреть. А мне бы просто кофе

попить спокойно.

Я снова на работе.

Да, как ни странно, даже после всего — снова в ЗАГСе. Женю людей. Расписываю. Торжественно вещаю про любовь, преданность и "с этого дня вы — муж и жена".

Уже отчитала четыре церемонии сегодня, на одной невеста была в кроссовках, а жених — с битой в багажнике, это уже мое предположение. Я бы даже не удивилась. Просто спросила бы, где мои тридцать серебряников за этот день.

И вот — перерыв.

Священные пятнадцать минут, когда можно не говорить про любовь, а просто сидеть и втыкать в телефон.

Я залипаю в чат выпускников, где уже всюю планируют меню, обсуждают ведущего, диджея и кого можно позвать чтобы было весело.

Люська, как всегда, появляется с подносом и банкой энергетика, будто на подзарядке к солнечным панелям.

— Ну что, у вас там в телефоне? — она склоняется ко мне, подглядывает. — Фото кота? Или новый сериал в стиле "Как выжить после брака с идиотом"?

— Почти. Встреча выпускников. Добавили меня в чат. Там уже сто тысяч сообщение обсуждают, как все постарели, потолстели и кто спился.

— Ух ты! А ты чего такая хмурая? Идти надо! — Люська вцепляется в идею, как будто это ее шанс выйти в свет. — Ты же у нас звезда! Все ждут, когда Вера скажет свое веское!

Уверена, в школе ты была “Уххх”. — Она сжимает кулак и трясет им в воздухе.

— Я и сейчас говорю, только теперь это "объявляю вас мужем и женой", а не "Катка, убери шпаргалку, тебя уже спалили". — Я закатываю глаза и дую на свой безумно горячий кофе, хотя молока плюхнула будь здоров, чего не остывает? Весь язык обожгла!

— Ну и что! Надо идти! — Люська сияет. — Покажешь, какая ты сейчас. Ух, от тебя там обомлеют все эти бывшие красавчики, которые теперь с пузами и алиментами. — Она хихикает, прикрывая рот ладошкой.

— Слушай, ну правда, мне надо это? Видеть, как мой бывший одноклассник, который клал жвачки в мой капюшон, теперь торгует окнами и зовет всех дружище?

— Конечно надо! — не унимается она. — Это же твой реванш, Веруня. Ты сейчас — женщина в огне!

Я фыркаю.

— Люсь, ну ты как Netflix с подпиской на драмы. А я просто хочу дожить до вечера и не увидеть очередную беременную любовницу бывшего.

— Тогда иди и встретить нормальных людей. Хотя бы сравни, кто как постарел. А вдруг там кто-то стал прокурором? Или миллиардером? Или просто нормальным?

— Ну если там будет прокурор, то пусть сразу выдает мне ордер на новую жизнь.

Она смеется, хлопает меня по плечу.

— Подумай. Я бы пошла. Только меня в школу не звали. Потому что я в другой училась.

— Вот и иди в свою встречу выпускников, Людмила. А я пока повтыкаю в чужую ностальгию.

Но к вечеру я все-таки пересматриваю старые фото.

Школа. Я. Косуха. Улыбка на пол-лица. За мной — толпа.

Потом читаю очередное сообщение: "Вера, мы без тебя не начнем!" И решаю — хрен с ним, пойду.

Не для них. Для себя. Посмотреть, кто во что превратился. Проверить, работает ли еще моя внутренняя ведьма.

С утра — бегу в магазин.

Платье.

Надо же как-то выглядеть. Нормально.

Захожу. Консультантка — лет двадцать, ресницы до потолка, взгляд, как у кота из мультика.

— Вам помочь? — Она достает вешалки из витрину.

— Ага. Хочу выглядеть как "посмотрите, кто теперь на коне", но без намека на "племянница ведьмы в трауре".

Она хихикает. Таскает платья.

Я примеряю одно — блестит, как новогодняя елка. Второе — будто собираюсь околдовать соседский огород. Третье — о боже, нет, это жопа в бархате.

— Может, вот это? — она показывает очередное.

— Я же сказала — не жалейте. А это будто "извините, что я вообще пришла".

Мы меряем еще три. В одном я похожа на грустную учи-

тельницу географии, в другом — на арт-объект с выставки "Печаль в трикотаже".

— Может, вам просто строгий костюм?

— Мне — желательно бронежилет. И каску. Там будет мой бывший. И одноклассники. Вся гремучая смесь.

Она смеется. Я вяло усмехаюсь.

Все не то. Но, в какой-то момент, она приносит серое, лаконичное платье с вырезом на спине. Я надеваю — и замолкаю.

Это оно.

Без лишнего. Но с посылом: "Я выжила, и теперь умею выглядеть, как финальный кадр фильма, где умирают все, кроме героини".

Смотрю в зеркало. Впервые за долгое время — себе нравлюсь. И не из жалости.

Я стою перед зеркалом, закалываю волосы, смотрю на себя — новая, спокойная, чуть опасная.

Телефон пиликает: "До встречи остался 1 ДЕНЬ!".

Я улыбаюсь криво.

— Держитесь, 11-Б. Я иду.

Глава 8

Вера

Ресторан назывался пафосно: "Венеция", хотя единственное, что тут напоминало Италию — это странная колонна из гипса, облупленная с одного бока, как после нападения голубей.

В остальном — обычный банкетный зал с натяжным потолком, пластиковыми люстрами и ковровым покрытием, которое видело больше слез, чем радости.

Я захожу, делая вдох как перед торжественной речью, и сразу чувствую запах: парфюм "Кензо" вперемешку с "тюльпанами" из сельпо, селедка под шубой на столах, шампанское и немного — нервов.

Мои одноклассники. Мои бывшие.

За двадцать лет кто-то располнел, кто-то поседел, кто-то перекроил себе лицо так, что от оригинала остался только ИНН.

— Вера! — орет кто-то с другого конца зала, машет рукой.
— Ты как всегда в форме! Все такая же!

Ага, все такая же. Только форма теперь мягче и объемнее, как батон в упаковке, — думаю я, кивая.

Плечи расправлены, на лице улыбка, в руках бокал с чем-то игристым и подозрительно розовым.

Вера Горелова входит в свет, друзья мои. Заводила 11 «Б»,

организатор самодеятельных спектаклей, тех, в которых физрук играл Люцифера по причине харизмы и отсутствия стыда.

Подхожу к столику, на котором флажок «11-Б» отчаянно пытается держаться вертикально. За ним уже сидят Полина Копылова, теперь бухгалтер с двумя детьми и стальными нервами, Ромка Кривой — трижды женат, ни разу удачно, и Светка «по прозвищу Грудь». Ну, все по классике.

— Вера! Да ты вообще не изменилась! — визжит Ленка Кривицкая, у которой теперь грудь как два преступления против природы и губы, как у карпа, пережившего химию.

— Верка, ты огонь! — говорит Светка, — Я в Инстаграме видела, ты подстриглась? Круто! Прямо... с характером!

— Ну, знаешь, я как волосы постригла — так сразу с характером и встретила. Мы с ним теперь живем вместе, ругаемся иногда.

Все смеются. Мне уже достаточно.

Появляется официант с закусками. Я хватаю оливку, засовываю в рот, думаю: если пересидеть здесь час — уже будет победа.

Все уже навеселе. Салютуют шампанским, хлопают по плечу, рассказывают, кто чем занят.

Один теперь "директор", хотя еще недавно продавал сникеры на вокзале.

Другая — в декрете шестой год подряд.

Мальчик-ботан в очках стал айтишником с дорогими часами и женой-фитнес-блогером.

И тут он заходит.

Не то чтобы пафосно. Просто шаг уверенный, осанка — как у людей, которые знают, чего стоят, и не боятся, если у них нет сдачи. Высокий. Широкие плечи. Темно-синий костюм по фигуре. Лицо... Лицо из фильмов, где герои не улыбаются просто так. А глаза — черт. Не глаза, а отдельная опция. Как сканер в аэропорту, но с теплом.

— Прокурор, — шепчет мне на ухо Светка. — Помнишь, Пашка Смолин.

Ага. Помню, помню. Тихий отличник, который знал таблицу Менделеева наизусть и краснел, если я подходила ближе чем на метр. А сейчас... блин. Мокрый след от него остался не только в памяти.

Он подходит сам. Медленно. Как будто это его вечеринка.

— Вера Николаевна? — говорит он, подходя, и в голосе легкий смех.

— Только не "Николаевна", я тебя прошу. А то я сейчас из уважения начну вставать. — Я улыбаюсь, ставя бокал на стол.

— Прости. Просто... ты совсем не изменилась. — Он склон голову вбок, отчего прядка волос спала на лоб. Выглядит сексуально. Чертовски сексуально.

Черт. Блин. Он еще и говорит так, что хочется попросить повторить.

— В отличие от тебя. Прокурор? Правда?

— Правда. Кудинов стал прокурором, но в школе ты меня

называла Кудря.

— Ну, ты и был кудрявым. А теперь — строгий. И пугающе красивый. Прямо как штраф за парковку неожиданно и дорого.

Он смеется. Садится рядом. Мы уже оба с вином.

Его рука на столе — крупная, сильная, с легкими шрамами. Как у человека, который не только заполняет документы, но и делает что-то другое.

— А ты? Как жизнь после школы? — Спрашивает он, делая глоток.

— Ну... я работаю в ЗАГСе. Женю людей. Сама, конечно, не замужем. Только двадцать три года гражданского брака, который закончился тем, что я выдала его официально замуж за другую.

Его брови ползут вверх, зря я наверное сразу так вывалила, а хотя чего скрывать, правда же!

Он не сразу отвечает.

Потом просто говорит, — Это звучит... как глава из книги, которую я бы хотел прочитать. Или нет — поставить пьесу. Но только с тобой в главной роли.

— И без хэппи энда. — Я убираю прядь волос за ухо, еще бокал винишка и хватит, щеки краснеть начинают, или это не от вина?

— Почему? У тебя потрясающий смех. Это уже половина счастливой истории. — Подначивает Паша.

Я на мгновение замолкаю.

Он смотрит. Не прожигает, не жалеет. Просто... смотрит. Как будто я — не бывшая одноклассница, а загадка, которую он точно намерен разгадать.

Любая женщина узнает этот взгляд из сотни других.

И вдруг — двери в зал распахиваются. Голоса. Грохот.

— Где она?! — слышится пьяный, на взводе, голос Миши.

— Где моя жена?! — Орет он, еле стоя на ногах.

Какой-то сторбленный, в куртке, которую он таскал еще до свадьбы. Глаза в разные стороны. Волосы вразлет. И в руке — пластиковый стакан.

Зал замолкает.

Официант вздрагивает и почти роняет поднос. Павел оборачивается. Я вдыхаю.

Ну здравствуй, цирк. А я уже и попкорн приготовила.

Глава 9

Вера

— Где она?!

Пьяный голос режет воздух, как ржавый нож по стеклу.

Все замирают. Кто с бокалом, кто с вилкой у рта, кто — с вечной надеждой, что пиздец сегодня не придет. Ха! Не угадали.

Он пришел. Прямо в зал, где пахнет салатами, шампанским и

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.